

ИСТОРИЯ

УДК 94(477).084.6"1930"

DOI: 10.5281/zenodo.14939534

EDN: DBUXVC

ПЕРВЫЙ ЭТАП КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ДОНБАССЕ (ЯНВАРЬ – МАРТ 1930 г.)

© 2025. *Е. В. Зацепилина*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассматривается практика проведения коллективизации и реализации политики ВКП(б) по ликвидации кулачества как класса в селах Донбасса в первые месяцы 1930 г. Описаны основные методы, применявшиеся органами региональной и местной власти в целях выполнения партийных решений, исследованы формы крестьянского сопротивления.

Ключевые слова: Донбасс, коллективизация, раскулачивание, крестьянство.

Проведение сплошной коллективизации в сельских районах Донбасса, как и всего СССР, является актуальной темой спустя почти столетие после ее начала. В советской историографии этот период освещался как этап коренных преобразований в аграрном секторе экономики, в результате которых была обеспечена продовольственная безопасность страны и достигнута Победа в Великой Отечественной войне. Спустя годы у исследователей возрос интерес к социальной стороне аграрной политики ВКП(б) 1920–1930-х гг., значительно расширились возможности изучения социальных аспектов жизни села за счет доступа к ранее засекреченным источникам, среди которых документы ЦК ВКП(б), ОГПУ [1], ВУЦИК, Народного комиссариата земледелия УССР [2] и другие. Тем не менее, тема коллективизации и ликвидации кулачества как класса в Донбассе мало изучена. Среди опубликованных работ обращает на себя внимание статья Л.И. Зеленской «Из истории коллективизации и раскулачивания в Краматорском районе (январь–март 1930 г.)» [3]. Отдельные аспекты поднятой проблемы затрагиваются в коллективном труде «История (история Донбасса от древности до современности)» [4].

Целью данной статьи является изучение методов проведения сплошной коллективизации в начале 1930 г., отношения различных групп сельского населения к аграрной политике большевиков.

Курс на сплошную коллективизацию был объявлен в 1929 г. на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б). Государству нужны были крупные сельскохозяйственные производители, в которых были возможны механизация, гидромелиорация, внедрение передовых технологий. Государственный контроль над жизнью села было гораздо легче осуществлять при наличии обобществленных хозяйств. Кроме того, крестьянин-единоличник воспринимался большевиками как «мелкий буржуа», отсталый и незрелый в политическом отношении. Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» определялись сроки ее проведения. 30 января 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной

коллективизации», которым был установлено количество подлежащих раскулачиванию крестьянских дворов.

Социально-политическая ситуация в донецких селах накануне сплошной коллективизации была сложной. Колхозное строительство и вторая волна хлебозаготовок проводились в условиях нараставшего недовольства действиями власти значительной части крестьян. Государственные органы все чаще прибегали к административным и силовым методам воздействия на сельское население. Так, в Мариупольском округе в 1929 г. за невыполнение дополнительного плана хлебопоставок было описано 2 268 хозяйств (3,5 %), после чего 1 232 хозяйства (1,9 %) были проданы с торгов. Крестьян, пытавшихся оказывать какое-либо сопротивление, арестовывали и привлекали к уголовной ответственности. В Артемовском округе за полгода было возбуждено 273 дела против 81-го чел., 26 из них предстали перед судом. В упомянутом Мариупольском округе за июль-декабрь 1929 г. были арестованы 528 крестьян, из которых 516 чел. предали суду. Судебным решением 4 чел. были приговорены к высшей мере наказания, 145 – к лишению свободы на срок более одного года, 139 – к лишению свободы на срок от 6-ти месяцев до 1-го года, 8 – на срок до 6 месяцев, 55 чел. были высланы за пределы округа. По причине усилившегося сопротивления со стороны крестьян в округе произошло 2 убийства, 37 покушений на убийство и актов избиения, 18 поджогов [5, с. 102-103]. В Старобельском округе в течение года было зафиксировано 30 убийств, покушений на убийство, поджогов имущества сельских активистов [4, с. 462].

Опорой советской власти в проведении аграрной политики являлись малоимущие слои сельского населения и слабые середняки. Инструментом организации бедноты при проведении сплошной коллективизации стали комитеты незаможных селян (КНС), зачастую возглавлявшиеся членами КП(б)У. В селах Донбасса реализацию заданий ЦК ВКП(б) осуществляли уполномоченные рай- и окрисполкомов по коллективизации, партийные ячейки, сельсоветы. К проведению коллективизации были привлечены представители промышленных предприятий. Рабочие – члены КП(б)У, члены городских советов рабочих и красноармейских депутатов включались в состав комиссий по проведению раскулачивания и, освобожденные от основной работы, командировались на село для выполнения директив ЦК ВКП(б). Так, в конце марта 1930 г. в Сталинском округе для работы на селе было командировано 105 членов городских советов [6, л. 17]. Повсеместно была распространена практика оплаты труда рабочих из средств, полученных в результате реализации изъятого у кулаков имущества. Представители рабочих коллективов, культпросветучреждений и ФЗУ были задействованы для идеологического обеспечения коллективизации. Например, в феврале-марте 1930 г. в селах Краматорского района Артемовского округа проводил пропагандистскую работу агитационный отряд. Для повышения эффективности его усилий редакция газеты «Краматорская домна» ежедневно выпускала листовки тиражом в 100 экземпляров [3, с. 38].

Для обеспечения активного участия сельской бедноты в реализации политики ВКП(б) в начале 1930 г. повсеместно проводились районные и окружные съезды КНС, на которых их участникам были доведены политические и экономические цели и задачи, вытекавшие из решений ЦК ВКП(б). На КНС были возложены обязанности по проведению разъяснительной работы в селах о целях и задачах коллективизации, организации вступления крестьян в колхозы, сбору налогов, конфискации имущества раскулачиваемых, последующему распределению земли, орудий труда, зерна и других материальных ресурсов среди сельской бедноты. КНС стали активными сторонниками

сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Так, на съезде КНС в Макеевке делегаты требовали включения Макеевского района в район сплошной коллективизации [7, л. 16]. Обоснованно полагая, что для успешного проведения коллективизации необходимо подавить сопротивление зажиточных крестьян, на местах готовились к «ликвидации кулачества как класса». На съездах, сессиях, собраниях КП(б)У, Советов рабочих и крестьянских депутатов, КНС всех уровней звучало требование решительного наступления на кулацкие элементы. В окружных и районных центрах, в селах создавались «ликвидационные» комиссии, в состав которых включались председатели сельсоветов, секретари партячеек, руководители КНС, милиционеры и командированные в села представители промышленных предприятий [4, с. 463]. Комиссии определяли персональный состав подлежащих раскулачиванию, осуществляли их ранжирование и отнесение к одной из трех категорий раскулачиваемых. Были подготовлены документы, в которых содержалась всесторонняя информация о членах подлежащих раскулачиванию семей, экономическая характеристика хозяйств, были представлены сведения об использовании в хозяйстве наемной рабочей силы, величине сельскохозяйственного налога и «обложения». В Краматорском районе, к примеру, в списки были внесены 286 хозяйств [3, с. 39]. Противники аграрной политики большевиков (контрреволюционные активисты), относившиеся к первой категории преследуемых, подлежали аресту и передаче в суд для рассмотрения уголовных дел по статье 54 УК УССР (контрреволюционная деятельность). Их имущество конфисковалось, а семьи выселялись в северные районы РСФСР. Вторую категорию составляли «кулаки-эксплуататоры» из числа наиболее зажиточного крестьянства, которые с семьями также подлежали выселению. К третьей категории относились крестьяне, которые привлекали к хозяйственным работам «сельских пролетариев», но были лояльны по отношению к Советской власти. Их имущество конфисковалось, сами же они выселялись на специально отведенные земли в пределах района. В поле зрения «ликвидационных» комиссий были и крестьяне, упрочившие свое экономическое положение в годы НЭПа, которые брали в аренду землю соседей, смогли обзавестись крупным рогатым скотом и лошадьми. Они выселялись из своего двора, однако могли остаться в селе.

Коллективизация осуществлялась в форсированном режиме. Допустить проволочки, с точки зрения руководителей страны, было нельзя, так как существовала угроза срыва весенних полевых работ. Если к 1 октября 1929 г. в Донбассе колхозами было охвачено 9 % крестьянских хозяйств [4, с. 463], то по состоянию на 10 марта 1930 г. было обобществлено в Старобельском округе – 73,9 % хозяйств, в Мариупольском – 71,7 %, в Сталинском – 66,7 %, в Луганском – 60,8 %, в Артемовском – 52,6 % [8, с. 30]. Средний показатель объема коллективизированных хозяйств в Донбассе на 10 марта 1930 г. – 65,14 %. Темпы коллективизации по региону в целом за 5 месяцев увеличились в 7 раз.

Столь разительные изменения в темпах создания нового колхозного строя требуют своего объяснения. Если до принятия Постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. при вовлечении крестьян в колхозы экономическое стимулирование, агитация и пропаганда продолжали применяться наряду с принудительными мерами, то с его принятием подходы и методы к проведению коллективизации полностью изменились. Силовые методы, основанные на марксистском постулате, что насилие является повивальной бабкой истории, полностью вытесняли экономическое стимулирование и разъяснительную работу. Решения о коллективизации должны были приниматься на крестьянских сходах. Органы власти зачастую сталкивались с молчаливым

сопротивлением крестьян, т.е. молчаливым саботажем. Такая картина наблюдалась в бывших немецких колониях, где крестьяне со времен Екатерины II располагали крупными наделами земли. Случались открытые выступления против мероприятий, связанных с обобществлением хозяйств, выразившиеся в общественной защите зажиточных крестьян. Такие случаи были зафиксированы в селе Марксфельд Больше-Янисольского района [9, с. 57]. В греческих поселениях, в частности, в селах Ялта и Мангуш, также имела место защита зажиточных крестьян односельчанами [10, л. 56]. В случаях, когда организаторы собраний получали результат, не соответствовавший их ожиданиям, сразу же включались репрессивные механизмы. В селе Луганском, например, на собрании представителей 1430 крестьянских хозяйств за вступление в колхоз высказались 70. Утром следующего дня активистами было раскулачено 29 хозяйств [2, с. 135]. Раскулачивание могло быть осуществлено в течение получаса [8, с. 37]. Хозяину сообщалось о вынесенном решении, после чего незамедлительно следовали обыск, велась опись имущества (иногда имущество не было описано и попросту разворовывалось) и выдворение крестьянина с семьей из собственного дома [4, с. 463]. Для обоснования таких акций использовались различные поводы: несвоевременная уплата налогов, невыполнение хлебозаготовок, обращения крестьян с жалобами в органы советской власти и т.д. К примеру, за не сдачу 25 пуд. подсолнечника в селе Корсунь Артемовского округа был раскулачен К.Я. Антощенко. Надуманность предлога состояла в том, что крестьянин подсолнечник не выращивал. Тем не менее, как сообщал К.Я. Антощенко в своей жалобе в ВУЦИК, у него «...конфисковали имущество, продали дом, забрали сельхозинвентарь, весь хлеб и выбросили меня и мое семейство на улицу...» [2, с. 123-124]. В случаях, когда раскулачиваемый имел задолженности по сельхозналогу, изъятое за недоимки имущество продавалось за бесценок. Такие случаи были зафиксированы в Селидовском районе, где дом с реальной стоимостью в несколько тысяч рублей был продан за 20 коп. [11, л. 105-106].

Вопиющее пренебрежение интересами зажиточных крестьян было продемонстрировано в селе Большая Каракуба Старо-Бешевского района. Раскулачиванию в феврале 1930 г. подлежали 56 кулацких хозяйств, стоимость которых оценивалась в 17,5 тыс. руб. В местной партячейке произвели собственный подсчет стоимости имущества, позволивший уменьшить ее до 1 тыс. руб. Дома с продажной стоимостью в 3,5–4 тыс. руб. были оценены в 25–50 руб. Конфискованного вола можно было приобрести за 30 руб., а курицу – до 15 коп. Райком КП(б)У купил кулацкий дом за 150 руб. [11, л. 108]. Во время раскулачивания практиковалось так называемое «барахольство», когда у раскулачиваемых изымались мебель, кухонная утварь, постельное белье, одежда, личные вещи и т.д. [12, л. 1].

Раскулачиванию часто подвергались крестьяне, которые кулаками не являлись. Во многом это происходило потому, что списки для раскулачивания составлялись в местных партячейках и КНС. При этом большую роль играл субъективный фактор: личная неприязнь, желание активистов отличиться, снискать расположение руководства или же наоборот – родственные связи, желание вывести из-под раскулачивания отдельные семьи зажиточных крестьян и проч. В письме ВЦКНС ко всем окружным КНС под грифом «совсем секретно» указывалось, что в некоторых случаях середняков раскулачили потому, что кулаков «не доглядели» [12, л. 1]. В этих случаях вместо «кулаков» в целях выполнения «контрольных цифр» лишали хозяйств середняков. Таким образом, в частности, были выполнены плановые задания в селе Васильевка Артемовского района, где раскулачивание осуществлялась с участием

рабочих завода «Победа труда» [8, с. 32]. Без учета интересов и настроений крестьян проводила коллективизацию бригада ясиноватских железнодорожников в селах Ново-Бахмутовка и Землянки во главе с товарищем Свириденко, который объявил в селах «военный коммунизм» [13, л. 322-324].

Секретарь Орловской партиячейки (Авдеевский район) Недрянко наряду с раскулачиванием зажиточных крестьян проводил раскулачивание бывших батраков и середняков. Согласно спискам секретаря Орловской партиячейки, выселению подлежало свыше 40 семей, что не соответствовало реальной имущественной и социальной дифференциации жителей села. Составленные им списки по раскулачиванию и выселению не были согласованы ни с сельским активом Орловки, ни в районном центре. Народная молва утверждала, что Недрянко таким образом сводил счеты с убийцами своих братьев. Предлогом для репрессий стало то обстоятельство, что подлежавшие раскулачиванию не положили свои деньги на счет сберегательных касс во время «месячника сбережений» [13, л. 322]. «Наступление» на зажиточных крестьян было повсеместным и многоаспектным. На заседании президиума Грузско-Зорянского сельского КНС было принято решение о том, что кулаков и подкулачников нельзя допускать в сельскохозяйственные артели, а ставших их членами – немедленно исключить из их составов [9, л. 23].

Средством подавления крестьянского сопротивления была депортация, которая осуществлялась централизованно. Контрольные цифры выселения по округам Донбасса были следующими: Артемовский округ – 192 семьи (960 чел.), Сталинский округ – 253 семьи (1 265 чел.), Мариупольский округ – 263 семьи (1 315 чел.), Старобельский округ – 872 семьи (4360 чел.). Фактически было выселено: из Артемовского округа – 200 семей (1 096 чел.), из Сталинского – 249 семей (1 375 чел.), из Мариупольского – 267 семей (1 365 чел.), из Старобельского – 710 семей (4 637 чел.) [14, с. 338]. Директивы о контрольных цифрах подлежащих депортации исполнялись как окружными исполкомами, так и районными. Так, на заседании Славянского райисполкома 7 марта 1930 г. было решено переселить из сел и разместить в пределах района 196 семей (1 111 чел.), выслать за пределы округа 40 семей (207 чел.), за пределы УССР – 15 семей (76 чел.) [15]. В Амвросиевском районе подлежали расселению в его пределах в Благодатновском сельсовете – 16 дворов (86 чел.), в Кутейниковском – 7 дворов (44 едока), Ново-Ивановском – 2 двора (10 едоков), в Осыковском – 13 дворов (64 едока), в Васильевском – 5 дворов (30 едоков), в Мокро-Еланском – 8 дворов (43 едока), в Григорьевском – 8 дворов (51 едок), Белояровском – 13 дворов (64 едока), в Карпово-Надеждинском – 4 двора (17 едоков), в Артемовском – 1 двор (3 едока) [11, л. 270]. Среди выселенных из Донбасса была «кулацкая» семья И.С. Адрианова, которая имела 4 лошади, 3 коровы и 1 теленка, семья К.Г. Моруженко из шести человек, имевшая 2 лошади и 2 коровы [15]. Некоторые крестьяне, отнесенные к категории зажиточных, пытались вступить в колхозы и СОЗы, чтобы избежать выселения.

Крестьяне, лишенные имущества и подлежавшие депортации, пытались обжаловать решения крестьянских собраний в местных органах советской власти. Среди решившихся на такой шаг был И.П. Дьяков, проживавший на территории Екатерино-Хопровского сельсовета Старо-Бешевского района и являвшийся церковным старостой. Его семья, состоявшая из 5 едоков, имела 19 десятин земли, 2-х лошадей, 3-х коров и 10 овец. Весь годовой доход, облагаемый налогом, составлял 1 205 руб., из которых 220 руб. И.П. Дьяков получал за выполнение определенных функций в церкви. Хозяин считал себя середняком, исправно выплачивал государственный налог в размере 25 % от дохода. Решением крестьянского схода И.П. Дьяков был лишен

избирательных прав, и было принято решение о выселении его семьи за пределы округа на том основании, что тот систематически применял в хозяйстве наемный труд. И.П. Дьяков считал принятые решения несправедливым и обратился в Сталинский окрисполком за помощью. Но активисты не отступили. В пустующем доме И.П. Дьякова был проведен повторный обыск, где было обнаружено «скрытое имущество»: 100 м ткани, около 3-х пудов сахара, 28 ниток, куски кожи. Также к уголовной ответственности привлекли сына И.П. Дьякова, который имел отношение к кооперативной торговле и был осужден за растрату 1 180 руб. [11, л. 320-323]. Апелляция И.П. Дьякова была отклонена.

Зажиточные крестьяне пытались спасти свое добро, включая хлеб и имущество, или минимизировать потери. Распродавая собственное имущество, пуская под нож скот, зажиточные крестьяне призывали к аналогичным действиям своих соседей. В селе Свистуновка Павловского района под влиянием такой агитации из 150 овец было зарезано 120 [7, л. 90]. Зажиточные крестьяне пытались убедить бедняков и середняков в том, что «партия грабит крестьян». В селах распространялись «антиколхозные» листовки. Ширился индивидуальный террор, который включал в себя запугивание, избиения или убийства активистов колхозного движения, рабочих, привлеченных к проведению коллективизации, а также представителей правоохранительных органов. Так в январе 1930 г. был убит глава сельского КНС в Амвросиевском районе [12, л. 28]. В селе Каменском Володарского района был убит Кохан, подавший в органы местной власти заявление об утайке кулаками хлеба и объектов налогообложения [10, л. 128]. В селе Новая Каракуба был избит милиционер [16, л. 80]. В селе Знаменовке кулаки подожгли кладовую колхозного активиста с целью уничтожения имущества Товарищества по совместной обработке земли [16, л. 124].

Часто крестьяне, боявшиеся раскулачивания, бежали из сел, бросив все имущество, на промышленные предприятия Донбасса. Именно из них формировалось новое поколение рабочих. В 1930–1932 гг. среди прибывших для работы на шахты 80% были сельские жители, среди металлургов – 63% [4, с. 463]. На Константиновском стекольном заводе приступил к работе Панченко, ранее имевший 30 дес. земли на хуторе Нижние Соловки Александровского района. На Краматорский металлургический завод поступил Мешковский, предъявив фальшивую справку из сельсовета о том, что он бедняк. Всего в середине марта 1930 г. на предприятия Артемовского округа из числа покинувших села поступили 215 чел. В Сталинском округе таких было 108 чел. [1, с. 140-142]. На Сталинском металлургическом заводе трудился М.И. Гашов, отец которого был раскулачен и скрывался от ОГПУ, которое в соответствии постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 февраля 1930 г. получило право внесудебного рассмотрения дел на время проведения операции по ликвидации кулачества. По этой причине М.И. Гашов находился под пристальным вниманием правоохранительных органов [17, л. 81].

Применение репрессивных мер в отношении крестьянства на первом этапе сплошной коллективизации принесло свои плоды. За короткий период (с октября 1929 г. по март 1930 г.) количество обобществленных хозяйств увеличилось с 9% до 65%. В проведение коллективизации было вовлечено значительное число партийных работников, рабочих промышленных предприятий, сотрудников правоохранительных органов, сельских бедняков. Беднячество в целом положительно относилось к политике ВКП(б), оно стало инструментом борьбы с зажиточной частью сельского населения. В результате этих действий зажиточные крестьяне, многие середняки оставались без жилья, имущества и, в целом, без средств существования. Донецкие село лишилось

наиболее предприимчивых, знающих все тонкости крестьянского труда людей. Неудивительно, что аграрная и социальная политика ВКП(б) породила различные формы сопротивления: самораскулачивание, антиколхозная агитация, насилие в отношении партийных работников, сотрудников правоохранительных органов и колхозных активистов, бегство на промышленные предприятия и т.д. Крестьянское сопротивление не могло иметь значительных результатов. Видя последствия раскулачивания, значительная часть сельских жителей делала соответствующие выводы в пользу добровольной коллективизации, что также привело к значительному росту колхозов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): Сб. док. в 10 т. / редакционная коллекция: А.Н. Сахаров, Г.Н. Севостьянов, В.С. Христофоров [и др.]. – М.: Издательский центр Института российской истории РАН. – Т.8. Ч. 1. – 2008. – 864 с.
2. Колективізація і голод на Україні: 1929-1933: збірник матеріалів і документів / відп. ред. С. В. Кульчицький. – К.: Наукова думка, 1992. – 763 с.
3. Зеленская Л.И. Из истории коллективизации и раскулачивания в Краматорском районе (январь-март 1930 г.) / Л.И. Зеленская // Летопись Донбасса: Краеведческий сборник. – Донецк, 1997. – Вып. I-V. Часть I. – С. 37-41.
4. История (история Донбасса от древности до современности) : учебное пособие / под общей редакцией проф. Л.Г. Шепко, проф. В.Н. Никольского. – Донецк: ДонНУ, 2017. – 730 с.
5. Довбня О.А. Судові переслідування селян в Донбасі в 1928-1929 гг. / О.А. Довбня // Історичні і політологічні дослідження. – Донецьк: Видання Донецького державного університету, 2002. – № 1(9). – С. 99-104.
6. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 205.
7. ГА ДНР. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 159.
8. Кульчицкий С.В. Коллективизация сельского хозяйства и голод в 1932-1933 гг. / С.В. Кульчицкий, Е.П. Шаталина // Нові сторінки в історії Донбасу : Ст. Кн. 2 / Упоряд. З.Г. Лихолобова. – Донецьк: Донбас, 1992. – С. 23-51.
9. ГА ДНР. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 2.
10. ГА ДНР. Ф. Р-1210. Оп.1. Д. 46.
11. ГА ДНР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 223.
12. ГА ДНР. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 163б.
13. ГА ДНР. Ф. Р-2-сч. Оп. 1. Д. 955.
14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2, Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 927 с.
15. Манекин Р.В. Очерки истории Донецкого края // Архив материалов и публикаций. – 2000-2012. – URL: <https://manekin.narod.ru/hist/part1/op3.htm>.
16. ГА ДНР. Ф. Р-120. Оп. 1. Д. 46.
17. ГА ДНР. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 40.

Поступила в редакцию 10.01.2025 г.

THE FIRST STAGE OF COLLECTIVIZATION IN DONBASS (JANUARY–MARCH 1930)

E. V. Zatsepilina

The article examines the practice of collectivization and the implementation of the policy of the CPSU(b) to eliminate the kulaks as a class in the villages of Donbass in the early months of 1930. The main methods used by regional and local authorities to implement party decisions are described, and the forms of peasant resistance are investigated.

Key words: Donetsk region, collectivization, dekulakization, peasantry.

Зацепилина Екатерина Васильевна
Аспирант,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: zatsepilina98@mail.ru

Zatsepilina Ekaterina Vasilyevna
Graduate student,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: zatsepilina98@mail.ru